

БУЯН

СКАЗАНИЕ О ПУСТОМ

Е. ЗБОРОВСКАЯ

18+

Е. Зборовская

Буян: сказание о Пустом

«Автор»

2026

Зборовская Е.

Буян: сказание о Пустом / Е. Зборовская — «Автор», 2026

Можно ли начать жизнь с чистого листа, если ты не помнишь своего прошлого? И что делать, если прошлое вернулось – со всеми ошибками, болью и утратами? Буян – это не место на карте. Это место, где реальность переплетается с легендой, а каждый уголок хранит свою тайну. Очнувшись на таинственном берегу, герой не помнит ни своего имени, ни прошлого. Вокруг – лишь бушующее море, штормовые ветры да густые леса. Ему предстоит пройти через испытания, которые готовит для него сам остров: встретиться с духами, населяющими эти земли, научиться доверять и делать выбор, от которого зависит всё. Каждая встреча становится проверкой на прочность, каждый шаг приближает его к разгадке собственного прошлого. Но у Буяна свои законы. Здесь время течёт иначе. Сможет ли он вернуться к тем, кого любил? И захотят ли они его принять? «Буян: сказание о Пустом» – дебютный роман Е. Зборовской, история о потере памяти, поиске себя и принятии своего прошлого.

© Зборовская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПЛЕЙЛИСТ	6
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Е. Зборовская

Буян: сказание о Пустом

Вина означает «я совершил ошибку», а стыд – «я и есть ошибка».
Вина хотя бы позволяет надеяться на искупление.
Б. Браун

Глава

ПЛЕЙЛИСТ

Кино – «Кукушка»
Nautilus Pompilius – «Дыхание»
Найк Борзов – «Погружение»
Мельница – «Дорога сна»
Калевала – «Ведьма»
Король и Шут – «Медведь»
Сектор Газа – «Взял вино на себя»
Сплин – «Выхода нет»
Nautilus Pompilius – «Крылья»
Би-2 – «Полковнику никто не пишет» (!)
Земфира – «Искала» (!)
Пелагея – «Пташечка»
ДДТ – «Белая река»
Мельница – «Прощай»
Мельница – «Дороги»
Баста – «Сансара»

(!) Признаны иноагентом

ПРОЛОГ

Где-то вдали от людских глаз, на краю света, в бушующем море, спрятан клочок земли – остров, скрытый ото всех.

Остров, который для одних – лишь легенда, а для многих не существует вовсе.

Остров, по берегам которого носятся штормовые ветра, пригибая крепкие стволы сосен.

Остров, где не властвуют люди.

Остров начала и конца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Берег острова был, как всегда, беспокоен. Остров не зря звался «Буяном» – отвесные скалы берега, о которые разбивались мощные и шумные волны. Заскорузлые и извилистые сосны гудели под напором яростного ветра, пригибались к земле ветви тиса, почти касаясь кустов бадана. Небо переливалось оттенками от серого до темно-синего. Весь окружающий вид так и говорил, что скоро к острову прибудет шторм, но нет – такая погода тут была обычным явлением. В воздухе витал аромат соли и мокрого песка, пения птиц было не слышно – видно, они боялись прилетать на штормовой берег.

Если шторм и был привычным для острова, то неподвижная фигура в яркой рубахе была чужеродным пятном, которое незаконно вмешалось в окружающую действительность, нарушив привычную картину берега. Пятно шевельнулось. Над яркой рубахой показалась всклокоченная светлая голова. Она повернулась в одну сторону, в другую и обратно. Задумчиво наклонилась к плечу. Даже затылок выражал явное недоумение.

Растрепанная шевелюра показалась над колышущейся травой. Теперь стало видно обладателя яркой рубахи и светлого затылка – рослый парень лет тридцати на вид. Губа его была рассечена, на правой скуле – ссадина, идущая на бровь и уходящая под светлую чёлку. Создавалось впечатление, что парень тормозил лицом об землю. Левый глаз его затек, а нос был немного свернут вбок – судя по всему, он был сломан. Рубаха его была пыльной, руки были целыми, но под ногтями чернели куски грязи. Он вытер, поморщившись, со рта рукавом запёкшуюся кровь, затем поднялся и, слегка пошатываясь, огляделся уже стоя на ногах. Стоять было тяжело: яростный ветер сбивал с ног, заставляя глаза щуриться и слезиться. Но тут парень нашёл то, что искал, – место, где можно спрятаться от бури. Этим местом оказалась ветхая покосившаяся не то избёнка, выглядывавшая из зарослей тиса и бадана, не то захудалый брошенный сарайчик.

Парень с трудом переставлял ноги – частично из-за ветра, а частично, видимо, из-за лёгкого сотрясения, и направился в сторону избёнки. Каждый шаг и каждый порыв ветра отдавался болью в висках. Теми же порывами до него доносились соленые океанские капли. Рубаха в этих местах темнела, а попадая на лицо, капли жгли раны, заставляя незнакомца морщиться. Что, в свою очередь, доставляло ему еще больше неприятных ощущений.

Избёнка встретила его тёмным окном и незапертой дверью, подразумевая заброшенность и пустоту, что, в принципе, было неважно: важно было спрятаться от пронизывающего ветра и окончательно прийти в себя. С усилием потянув на себя дверь – ветер всё норовил закрыть её обратно, – парень наконец попал внутрь. И хоть избёнка казалась ветхой и насквозь продуваемой всеми ветрами, внутри оказалось тепло и сухо. И тихо. Словно вместе с закрывшейся дверью все звуки за ней разом смолкли – и рёв ветра, и шелест деревьев, и шум разбивающихся о скалы волн. Но это было не единственное удивление: думая, что будет единственным гостем в доме, парень, несомненно, ошибался. Внутри избушки, у дальнего окна, рядом с печью, при свете небольшой свечи сидела старуха. Сгорбившись, она вязала что-то, но спицы так быстро мелькали в её руках, что было совершенно непонятно, что. Услышав стук двери и заметив быстрый пробежавший ветерок, который всколыхнул пламя свечи, старуха подняла взгляд на незваного гостя. Гость же, заметив, что ворвался в чьё-то жилище, заробел и не посмел ступить и шагу вглубь дома.

– 3-з-здрасте, – пробормотал он извиняющимся тоном. Голос был хриплый – видно, давно он лежал на берегу без сознания.

– И тебе не хворать, милоч. Хотя вижу, что ты уже... – ответила старуха, задержав взгляд на его ссадинах.

– Можно у вас непогоду переждать, бабушка? А то больно ветрено на улице, глядишь, и сдует в океан, – парень слегка поклонился, выражая своё почтение и этим же извиняясь за своё вторжение.

– На Буяне по-другому и не бывает. Да проходи уж, в ногах правды нет. Чай, не обеднею, – старуха кивком указала на лавку у печки, предлагая гостю присесть.

Парень аккуратно, держась за притолоку, направился к лавочке. Его ещё слегка пошатывало, а нос болезненно морщился. Старуха внимательно посмотрела на него и, кряхтя, поднялась со своего места. Подошла к печи, подцепила ухватом горшок, а с верёвки сдёрнула полотно. Отлила кружкой из горшка в миску горячей воды, тут же подлив туда холодной из кадки на полу: и в миску, и в горшок. Горшок она ухватом обратно задвинула в печь, а миску вместе с полотном подала парню.

– Умойся, горемычный. Всё чело разбито.

Парень с благодарностью принял миску из рук старухи, намочил полотно в тёплой воде и принялся аккуратно стирать кровь с лица, шипя и цокая от боли.

Старуха вернулась на своё место подле окна. Сгорбившись, она дальше продолжила своё вязание, и спицы так и запорхали под её пальцами.

– Как зовут-то тебя, златовласый? – обратилась она к парню, не отрываясь от своего занятия. – Не видала я тебя раньше в наших краях.

Парень задумался. А ведь и правда – как его зовут? Пытался вспомнить своё имя, но в голове только шум и боль. Ни имени, ни вообще какого-либо прошлого. Только пугающая черная пустота.

– Не помню я, бабуль. Помню, как тут очнулся, недалеко от твоей избушки. А больше – ничего, хоть тресни, – грустно ответил парень. Кровь с лица он уже смыл, обнажив царапины и ссадины, которые, к счастью, уже не кровили.

– Хм. Интересно. И куда путь держишь – тоже не помнишь? – уточнила старуха.

– Нет, бабуль. Вообще ничего.

Старуха вновь хмыкнула. Зыркнула на парня исподлобья, но промолчала.

Вода в миске окрасилась в розовый, полотно в руках парня тоже потемнело – от крови и грязи. Он поставил миску на лавку, рядом положил полотно. Задумчиво посмотрел на старуху, которая не отрывала глаз от порхающих пальцев и задал вопрос.

– Бабуль, а что это за место такое – Буян?

– Буян – это все, что вокруг тебя. – коротко ответила старуха, задумчиво глядя на вязание, видимо, прикидывая, продолжать аль закончить.

– А где он находится? В каком царстве-государстве? – не унимался парень.

– Да ни в каком. Он просто есть. Любопытный ты – недовольно посмотрела на него старуха – И говорливый.

Парень пристыженно замолчал. Старуха, не обращая на него внимания, закончила вязание, откусывая нитку у самого основания перчатки, которую, оказывается, вязала и придирчиво оглядела её со всех сторон.

– Отлежаться бы, бабуль, в себя прийти. Я ничего не помню, ничего не знаю, да и в голове все смешалось, – заерзал на лавке парень – Позволишь ночь у тебя переждать? Может, на заре и шторм уляжется.

– Не уляжется, – цыкнула старуха, – Место тут такое, штормовое. Буян же. Но ночь переждать позволю, чего ж не позволить-то. Ты на меня, старую, не серчай, – внезапно сказала она, – я бабка одинокая, к общению не привыкшая. Поэтому и грубая такая. Да и не люблю, когда над ухом стрекочут, от дел отвлекают. – старуха тепло улыбнулась. – На вот, тебе в качестве извинения, – и протянула ему спицу, связанную перчатку да клубок ниток. – На три случая. Но учти: потратишь – дальше сам.

Парень недоуменно взял в руки подарки и вопросительно взглянул на неё. Только вот старухи никакой не увидел. Увидел лишь разваленную печь и тёмный провал на месте окна, у которого сидела она. Тишину, стоявшую в хижине, нарушили звуки с улицы – вой ветра и прибоя, шум деревьев и шуршание под обвалившейся крышей. Избёнка, выглядевшая жилой и уютной, внезапно стала пронизываемой всеми ветрами и угрюмой, как обычные нежилые развалины.

Парень почесал в макушке. Заглянул за печку, но ничего там кроме паутины не нашёл.

– Чудное какое место, этот ваш Буян. – пробурчал он. Парень внимательно посмотрел на подарки, полученные от старухи. Перчатка, спица и клубок ниток. «Ну и что мне с ними делать?» – подумалось ему. Вдохнул, махнул рукой, спрятал за пазуху дары и уселся спиной к покосившейся двери ждать рассвета. Всё-таки утро вечера мудренее.

За спиной слышался шум яростных волн, треск сгибаемых ветром стволов сосен и завывание неукротимого ветра.

– Неужто он и правда никогда не прекратится? – пробормотал парень. Он устроился поудобнее, обхватив себя руками, чтобы сохранить тепло, и забылся беспокойным сном.

Кусочек неба, видневшийся в провале окна, посветлел. Рассвет показался бледно-желтой кромкой над деревьями. Штормовые тучи расступились, пропуская свет, но до конца так и не рассеялись. Юноша с трудом поднялся с насиженного у двери места, разминая затекшие суставы. Ночью ему так и не удалось хорошо поспать – холод и шум мешали полностью погрузиться в сон. Спица, подаренная старухой, больно кольнула бедро, напомнив, что увиденное ночью в этой хижине было не сном. Потянувшись и зевнув, он поморщился – сломанный нос нещадно болел. Парень пошарил глазами по углам избушки в надежде найти хоть что-то полезное, но тщетно. Снова заглянул за печку, но не увидел там ничего нового. Слегка огорчившись и пожав плечами, он вышел наружу из своего временного пристанища.

Хоть небо и посветлело, но шторм всё равно не унимался. Права была старуха – шторм тут всегда. Ветер так же хлестал по лицу, волны разбивались о скалы, а сосны скрипели и стонали под яростными воздушными потоками. Парень взглянул мельком вдаль, на бушующий океан, оглянулся на покосившуюся избушку. Коснулся в кармане даров старухи – спицы, клубка и перчатки – и, решительно кивнув, двинулся вглубь леса.

С каждым шагом прочь от берега становилось тише – густые заросли ельника скрывали шум прибоя и спасали от сильного ветра. В чаще царил полумрак и блаженная тишина, прерываемая лишь пением редких птиц. Густо пахло смолой, мокрой землей и немного затхлостью. Опавшие иголки шелестели под ногами, скрадывая шум шагов путника. Тишина была на руку – она позволила путнику размышлять. Он пытался вспомнить, кто он есть, но в голове было хоть шаром покати – пусто, вплоть до эха. Ни намек, ни краткой мысли, словно чистый лист. Это очень его пугало – казалось, что он потерял что-то важное, что-то необходимое, потерял часть себя. Где-то в районе солнечного сплетения у него появилось ощущение сосущей черноты – пустоты, которую ничем не заполнить. Он попытался вспомнить хотя бы своё имя, но и тут его постигла неудача. Лишь где-то на задворках сознания он слышал шелест берез и чей-то крик. Но даже чей – понять не мог.

Место, куда он попал, тоже казалось ему загадкой. Буян, на берегу которого всегда штормит. Странная старуха, которая исчезает. И эти дары... Что с ними делать, он даже и не представлял. Подумал даже выбросить по дороге, но отогнал от себя эту мысль – вдруг и правда пригодятся. Хотя для чего могли бы ему пригодиться вязаная перчатка, клубок ниток и спица? Он не знал. Но осознание того, что они лежат у него в кармане, приносило ему удивительное

спокойствие, словно они были чем-то большим, чем казались на первый взгляд. И важным – важным для чего-то впереди.

Когда он почувствовал прохладный ветерок, который принёс ему запах тины и ряски, день уже клонился к закату. Парень устало, с трудом переставлял ноги, двигаясь вперед. Через пару локтей, продравшись через лапник, вышел он к небольшому лесному озеру на опушке. Озеро поросло осокой, по поверхности плавала ряска и кувшинки, между ними сновали юркие водомерки. Где-то в озере слышался плеск, из зарослей осоки доносилось гулкое кваканье. Но парень не сильно обращал на все это внимание. Обрадовавшись, он кинулся к воде. Аккуратно раздвинув ряску, зачерпнул пригоршню воды и с жадностью выпил. Вода отдавала на вкус тиной, на зубах захрустела попавшая в горсть ряска. Вдоволь напившись, он задержал взгляд на водной глади, изучая собственное лицо, которое казалось ему совершенно незнакомым. Светлые, словно выжженные солнцем, вихрастые волосы спадают на высокий лоб. Лицо в полузаживших ссадинах, нос немного свернут вбок, но все еще курносый. Россыпь веснушек по щекам. Губы слегка пухловатые, потрескавшиеся от жажды. Парень вглядывался в свое лицо и не узнавал его. Коснулся пальцами щеки, уверяясь, что именно свое лицо он видит в водном отражении. Из озера на него глядел он сам, но лицо было незнакомым, и как ни старался он напрягать память – так ничего и не вспомнил. Он вздохнул и потряс головой, отгоняя грустные мысли. Скинул рубаху с портами и окунулся в озеро с головой, охлаждая прохладной водой разгорячённое тело. Разгребая руками осоку и утопая в илистом дне, он прошёл глубже к середине озера, где ряски и осоки было меньше. Окунулся с головой и погрёб на другой берег. Озеро было небольшим, поэтому спустя несколько гребков он снова попал в заросли, но уже на противоположном берегу. Встав на ноги и отфыркнув воду из носа, парень посмотрел на берег и опешил. На берегу, одна-одинёшенька, посреди полянки стояла печь. Добротная печь, белёная, с могучей трубой и чугунной заслонкой. Из трубы вился полупрозрачный дымок, но не слышалось треска горящих поленьев, и не видно было того, кто мог бы зажечь эту печь.

Любопытство взяло верх, парень вылез из озера, запачкав ноги в иле. Осторожно подошёл к печи, прислушался. Треска всё же не доносилось. Обошёл печь вокруг и, не найдя никаких признаков истопника, зычно крикнул:

– Эге-гей, есть тут кто, люди добрые?

Ответил ему лишь шумевший в ветвях ветер да пение птиц. Он подошел ближе к печи, потрогал ее, с удивлением отметил, что она прохладная, провел пальцами по шероховатостям заслонки, попытался ее открыть. И тут же подпрыгнул от неожиданности – в печи что-то явственно завозилось. Послышалось тихое бормотание, приглушённое кирпичными стенами печи, и кто-то изнутри отодвинул заслонку и произнёс:

– Ну чего разорался? Не видишь – нет тут никого. Иди гуляй, Вася.

Заслонка захлопнулась. Печка ещё издала бормочущие звуки из своего чрева и смолкла. Дымок всё так же продолжал неспешно виться колечками из трубы.

Парень обмер. Протёр глаза. Подошёл к печи ближе и тихо постучал в заслонку. Из печи снова слышалось недовольное ворчание.

– Ну чё те надо? – пробормотал недовольный голос, приоткрыв заслонку на щёлочку. – Сказал же – нет тут никого. Отвали.

– П-подождите! – воскликнул парень, пока заслонка вновь не закрылась. – Вы мне не поможете?

– Нет. Поди отсюда, молодец, покуда я добрый. – Заслонка чихнула и захлопнулась.

Парень, понунив голову уселся на траву рядом с печью, прислонился к её кирпичному боку. Увидев печь, в глубине души у него затеплилась надежда, что тут дадут ему ответы или хотя бы укажут путь. В животе заурчало. Озеро дало ему напиться, но необходимо было и поесть.

Юноша обогнул озеро уже пешком – вернулся за сброшенной одеждой и дарами старухи. По пути наткнулся на куст орешника – голод не утолил, но хотя бы притупил. Парень прополоскал потную рубаху в озере, решив, что портки все же оставит как есть. Пока суть да дело – солнце закатилось, оставив путника в полумраке на берегу. Решив не идти в чащу ночью, парень вернулся к печи – провести ночь под её сенью казалось ему неплохой идеей, хоть печь и ворчала.

Он только успел примоститься к ее прохладному боку, когда в печке снова завопили. Заслонка отодвинулась, и под свет взошедшей луны из печи вылезло нечто: большие ступни на коротких ногах, тело как у маленького ребенка лет шести, руки длинные, что аж по земле волочатся, голова небольшая, волосы всклокоченные и непонятно какого цвета, так как перепачканы в печной золе. Зыркнув яркими жёлтыми глазищами на парня, существо цокнуло и произнесло:

– Чё разлётся? Иди рыбу что ли поймай, раз уж гостеприимством моим воспользовался.

Парень вздрогнул. Неужто чёрт какой вылез по его душу? Побоявшись спорить с существом, он снял рубаху с куста, на котором она сушилась, и, завязав её узлом на горловине, пошёл он к середине озера, ловить рыбу импровизированным садком. Долго ждать не пришлось – рыбы в озере оказалось много, и через пару забросов рубахи на берегу уже трепыхались несколько упитанных окуньков.

Существо тем временем развело огонь в печке и достало невесть откуда сковороду да чайник. Чайник уже пыхтел на огне, а как поймались окуньки – так и сковорода зашкворчала. Желудок у парня снова голодно заурчал, а существо ухмыльнулось:

– Что, Васян, голодный?

– Да, – согласился парень. – Уж и не припомню, когда нормально ел в последний раз, – разоткровенничался он и понял, что даже не приукрасил – он и права не помнил свою последнюю трапезу. Перекус орехами парень за трапезу даже и не посчитал.

– А почему вы меня Васьком кличете? – задал вопрос юноша.

– А кто ты? Имя есть у тебя? – не отрываясь от переворачивания рыбы, уточнил собеседник.

– Да есть, наверное. Только я не помню, – с грустью ответил юноша.

– Ну, раз не помнишь, значит, Васьком и будешь. Ты чего хотел-то? Не знал, разве, негоже будить печника посреди дня. Солнце враг нам. – Новоявленный Печник протянул новоявленному Васе тарелку с окунями и кружку с крепким травяным чаем.

– Прости меня, не гневись, печной хозяин. – Парень с облегчением выдохнул – не чёрт всё же. – Не знал я. Увидел печку одинокую – дай, думаю, узнаю, чья она, может, он на вопросы мои ответит, – Вася благодарно принял еду из рук духа и с удовольствием начал уплетать.

Некоторое время на поляне было тихо. Лишь стук кружек да почавкивание нарушали ночную тишину. Вася периодически поглядывал на духа, не зная, доверять ли ему, – солнце ему враг, выглядит как чёрт из преисподней, глаза вон в темноте сверкают. И зубы – острые и треугольные, как у щуки. Печник, не замечая Васиного любопытства, сыто облокотился на печку, рыгнул и начал ковырять пальцем в зубах, пытаясь достать застрявшую кость.

– А шо, кто-то не офетиф на вопрофы? – с пальцем во рту спросил он.

– Ну как сказать, – настороженно начал парень. – Была одна бабуля... – решил он не врать духу, но и подробностей ему не рассказывать.

– А-а-а, ну-ну, знаем таких. Она бабка нелюдимая, уж не серчай. Нечасто тут у нас гости бывают, непривыкшие мы, – развел руками дух. – А что спросить-то хотел?

– Интересно мне, что за место это – Буян. Да и про себя любопытно. Не помню я ничего, думал, может, кто меня помнит.

– Ну, про тебя я тебе тоже ничего не расскажу – первый раз тебя вижу. Да и не слыхивал о тебе ранее тоже ничего. Я же тут, у своего озера в своей печке живу, никуда не хожу. Это ко мне приходят, – хихикнул дух.

– Скучно же на одном месте сидеть, вам тут не одиноко? – поинтересовался юноша.

– Скучно – не скучно, да только вот скука – не самое главное. Иногда всё же могу в гости наведаться к старухе. Печки – они ж как сёстры. Коли в одной побывал, так и в другой могу. Печки – они такие, всё помнят, – хмыкнул Печник. – Бабка, правда, вечно занятая, на месте редко долго сидит, а больше печек на острове и нет, – грустно развёл руками дух.

– А почему вам нельзя на солнце находиться? Я раньше о печниках ничего не слышал... – с сомнением спросил парень – он так до конца и не решил, вежливо ли задавать такие вопросы новым знакомым.

Печник хмыкнул. Достал наконец кость и прицельно запустил её в озеро. Вода булькнула и тут же успокоилась, превратив поверхность в зеркальную гладь. Дух потёр ладони, зыркнул на парня и сказал:

– Солнце – враг мой. Я солнечного света не люблю, да и он меня тоже. Выйду на солнце – быть беде. Я дух ночной, мне лунный свет люб. Знаешь, любопытный ты паренёк, Васёк, – Печник вдруг наклонился близко к парню, внимательно его рассматривая, – не из пугливых. Да и вежливый. Знакомство было недолгим, но больно по душе ты мне пришёлся, честный ты, не стал юлить и недоговаривать.

Печник внезапно замолчал и посмотрел на луну, будто что-то обдумывая. Пару раз покачал головой, что-то пробормотал. Махнул рукой и снова обратился к парню:

– Дам тебе три совета, что помогут себя обрести: на старое солнце пойдёшь – прошлое своё найдёшь, но будущее свое потеряешь, на молодое солнце пойдёшь – будущее своё найдёшь, а прошлое своё не вспомнишь. Ну а если печь мою разрушишь – ответ на главный свой вопрос узнаешь, но спокойствия не обретешь. Твой выбор – какому из советов последовать. Но знай: твой выбор и определит твою судьбу.

Призадумался Вася. И прошлое ему узнать хочется, и то, что его ждёт впереди, тоже. А что же за главный вопрос такой? Мысли путались, каждый вариант казался лучшим.

Долго сидел юноша в размышленьях. Печник успел и к кусту орешника сходить, и посуду после трапезы прибрать, и золу выгрести, да и просто полежать на спине, травинку пожевать.

– Светает уже, Васёк. Решил чего? – жёлтые глаза с любопытством уставились на парня.

Вася хотел было покачать головой, но его словно осенило. Он улыбнулся, хитро, с прищуром, и ответил:

– Решил, хозяин, решил. Неважно, кем я был, как и неважно, что у меня за главный вопрос, – не помню я ничего, а значит, ответ без вопроса ничего мне и не даст. А вот что в будущем меня ждёт – это любопытно. На молодое солнце пойду я, хозяин.

– Вот как, – ухмыльнулся дух-печник – Молодец, верный путь выбрал. Догадался или наугад сказал?

– Догадался – улыбнулся парень. – Солнце зашло в той стороне, откуда я пришел. А там лишь избушка и берег. Прошлое там – да не то. Печь твою рушить я не буду. Не по-людски это, дом гостеприимный разрушать, да и мне не по нутру такое. Остается только восход, значит, туда мне и надо.

– Молодец. Не поддался ты на мои уловки. Умный ты парень, Вася. – улыбнулся Печник. – Ну, удачи тебе в пути, – последние слова он договаривал уже наполовину торча из печи – Ты это, заходи иногда, хоть поболтать с кем, а то скучно тут одному, – Печник захлопнул заслонку и внутри зашуршало – видно, он устраивался на сон грядущий.

– Обязательно зайду, – уверил печку Вася и благодарно поклонился. Коснулся он даров старухи в кармане, словно оберега, да и двинулся в сторону рассвета, будущее своё искать.

За его спиной приоткрылась заслонка и в темноте мигнул желтый глаз.

– Интересно, получится ли у болезного? – глухо раздался шепот из печки. – Или же всё будет как в прошлый раз?

Заслонка захлопнулась с первым лучом солнца, погрузив поляну в утреннюю тишину.

Оставив полянку с печкой за спиной, Вася углубился в чащу. Она встретила его прохладой и густыми зарослями, через которые приходилось пробиваться, раздирая руки и лицо о жесткие иголки. Запах золы и тины быстро выместили запахи леса – запах влажного суглинка, хвои и полыни. Иногда перед Васьком из кустов выпрыгивали встревоженные зайцы. Он было подумал поймать парочку, но быстро отпустил эту идею – ножа, чтобы освежать зверя, у него не было, да и огонь развести нечем. «Значит, не судьба, – подумал Вася. – Значит, идём дальше голодные». Ближе к полудню юноша наткнулся на заросли малинника и вдоволь перекусил спелыми сладкими ягодами. Он не знал, сколько ему ещё предстоит находиться в пути, да и попадётся ли ему что-нибудь ещё съестного, так что набрал полный карман ягод, предварительно завернув их в лист лопуха – уж коль подавит ягоды в кармане, так хотя бы кашлица в порты не впитается и можно будет перекусить ею.

В пути он долго размышлял над диковинными встречами. Сначала странная старуха, невесть куда пропавшая, потом вот Печник. Даже немного пробрал страх – а что же дальше будет? Что его ждёт там, в обещанном духом будущем? Вася не знал ответы на эти вопросы, поэтому просто шёл вперёд, не сворачивая, лишь изредка обходя поваленные стволы деревьев.

Время шло, а лес всё ещё не менялся – сплошной ельник. Ягод больше не попадалось, да и ручейка никакого не видать. Над ухом громко каркнула ворона, потревоженная внезапным гостем. Вася вздрогнул, испугавшись, и резко сел на опавшую хвою, исколов себе всю филейную часть. Чертыхнувшись, он поднялся и снял порты, чтобы выковырять все застрявшие в ткани иголки.

В этот момент в кармане что-то тихо завибрировало, как будто пчела залетела. И не в том кармане, где малина была, а в том, где старухины дары хранились, ждали своего часа.

Удивился Васёк. Осторожно руку в карман засунул – ну, а как и правда пчела? – и клубок достал, который мелко дрожал и светился золотистым сиянием.

Выронил Вася клубок от неожиданности, а тот и покатился вперёд, подпрыгивая на кочках и корнях, бесстрашно ныряя в колючие заросли.

– Стой! Куда! – бросился парень вслед за клубком, путаясь в штанинах, пытаясь на ходу натянуть порты обратно. – Убежит же, окаанный! – Вася с ужасом подумал, что так и не узнает, для чего дар-то был.

Остервенело бежал Вася за клубком – ныряя в густые кусты яркого и колючего шиповника, чуть не скатился кубарем в небольшой овраг, прикрытый разросшейся травой. Запнулся об корягу и пропахал носом землю, набрав полный рот грязи и мелких камешков. Отплёвываясь, он всё бежал и бежал – клубочек мелькал то там, то сям, призывно махая сияющим концом нитки. В боку колело, в горле пересохло от тяжёлого и частого дыхания, ноги, так уставшие от дня пути, забились и предательски дрожали, рубаха снова насквозь промокла от пота, светлая чёлка липла ко лбу, пот стекал по свежим царапинам на лице и щипал их. Солнце уже закатилось, а клубочек всё катился, мелькая ярким сияющим пятном на чёрном фоне ельника. Вася всё мчался следом, чувствуя нутром, что, если клубочек не догонит – никогда не выберется из этого проклятого нескончаемого леса. Это знание пришло к нему внезапно и было настолько явным, что он даже несколько в нём не усомнился.

На последнем издыхании, когда Вася думал, что вот-вот сейчас упадёт и больше никогда не встанет, под свет взошедшей луны он выпал – прям-таки выпал, ногой запнувшись об корягу

и кубарем пролетев почти через всю полянку, которая наконец показалась среди чёрных зарослей. Клубочек последний раз подпрыгнул, мигнул золотым светом и пропал.

Хотелось бы сказать, что у Васька от удивления усталость как рукой сняло – но чего нет, того нет. Еле-как, сквозь боль и напряжение, поднялся он на ноги и маленькими шажками двинулся к тому месту, где в последний раз увидел клубок. Движение давалось ему тяжело – ноги не слушались, тело мелко дрожало от холода: влажная от пота рубаха липла к телу, а ночной воздух был прохладный. Дышать получалось с трудом – горло саднило, губы пересохли, дыхание вырывалось со свистом и хрипом. Жутко хотелось пить и просто лечь и не двигаться.

То расстояние, которое он преодолел бы за пару мгновений, он шёл, пошатываясь, пару долей. Наконец достиг он того места, где видел клубочек в последний раз, но вместо клубка нашёл он тёмный колодец – серый, почти сливающийся с травой под лунным светом, овитый мхом, местами осыпавшийся. Обрадовавшись, парень упал на колени и потянулся внутрь колодца в надежде зачерпнуть воды. Но руки до воды так и не дотянулись, и не увидел он лунного отражения внутри колодца – лишь зияющую черноту. И тут, на краткий миг, мелькнуло внутри черноты золотое свечение и тут же погасло. Погас и остаток сознания у юноши, и, ощутив напоследок холод и шершавость камня, он провалился в забытье.

Взгляд его упирался в чью-то мужскую спину. Спина была в яркой рубахе, а выше спины виднелся светлый взъерошенный затылок. Рукой мужик держал за повод гнедую кобылу, бока которой тяжело вздымались. Вокруг было много людей, лиц которых не разобрать, а место было похоже на городскую площадь, посреди которой стоял помост с виселицей. А на том помосте парнишка молодой. Совсем ещё ребёнок. Темноволосый, глаза пустые, ничего не видит, плечи поникшие. Глазами по толпе проходит и не видит никого, лицо безжизненное. И тут он словно заметил незнакомца в яркой рубахе. Вася видит, как взгляд мальчонки задержался на незнакомце, как глаза его слезами заполнились. Подошёл палач в капюшоне к парнишке да надел петлю на шею. А он и закричал:

– Тятенька, маменька, не я! Не я это, Яромир, не я! – кричит, слезами захлёбывается, да ручками в толпу тянется.

Нажал палач на рычаг, да и разверзся помост под ногами мальчонки. Захлебнулся он плачем своим, ноги задрожали, заискали опоры, да недолго искали. Повисли безжизненно.

Обернулся незнакомец и прочь пошёл. И увидел Вася во сне, что лицо у незнакомца – его. И что ни слезинки, ни сожаления на том лице не было. Такое же пустое и безжизненное лицо, как и у парня на помосте. Словно из глины вылепленное.

Очнулся Вася от яркого солнца, бьющего в глаза. Тело всё ныло, горло саднило. Колодец так же смотрел на него чёрным чревом, ни воды, ни дна не видно. Откинулся юноша спиной на камни обветшалые, руками лицо обтёр, будто хотел стереть сон этот неприглядный. А сон ли это? Или воспоминание? Подкатила тошнота к горлу, под ложечкой засосало. И не от голода, а осознания, что это могло быть воспоминание. Что если Яромир – это он? И он парнишку маленького, совсем ещё ребёнка, к эшафоту привёл? Мерзко стало на душе, неспокойно. Васе захотелось помыться, смыть с себя весь этот неприятный сон. Попытался он снова что-то вспомнить, что-то ухватить, может, лицо мальчонки из сна вспомнилось бы. Но нет, ничего.

Встал он еле-еле и на негнущихся ногах побрёл к кромке леса, в паре локтей видневшейся. Дальше, на молодое солнце, к будущему своему. Коли суждено ему в этом будущем умереть скоро – значит, так и должно быть.

Не заметил он, когда уходил, проблеск золотого света в черноте колодца. Как и не слышал смеха он трескучего, разносившегося в шуме крон деревьев. Лишь спица старухина в кармане кольнула его больно, как будто напоминая о чём-то, чего он и сам не знал.

Тело плохо слушалось Васю – всё же вечерняя погоня давала о себе знать. Мышцы, задуবেвшие после ночи на холодном камне колодца, ныли, сухожилия тянули, голова была словно чугуны – гулкой и тяжёлой. Дыхание было сбивчивым, губы сухие и потрескавшиеся, лицо, испарпанное лапником, чесалось. Путь давался тяжело, но он шёл и шёл, с усилием переставляя ноги, слегка прихрамывая и заваливаясь.

Словно в шутку утро было чудесным – яркое солнце, проглядывающее сквозь еловые ветки, приятная прохлада, звонкое чириканье птиц – природа радовалась новому дню. Вася же был смурной и угрюмый, и не только из-за уставшего тела, жажды и голода. Не выходило видение колодезное из головы. Долго на над ним раздумывал, пытаюсь вызвать что-то в памяти, но всё тщетно. Даже имя – Яромир – которым назвал его парнишка, не вызывало никаких воспоминаний в голове.

Лёгкий ветерок коснулся щеки путника, приглушив зуд на щеке, и услышал он тихое журчание невдалеке. Юноша встрепенулся, обрадовался, но тут же сник – али как привиделось это ему, измучившемуся от жажды: не ручеек журчит, а иголки опавшие шелестят под ногами. Но с каждым шагом журчание становилось всё громче и ближе. Через пару мгновений увидел Вася под елями, меж корней, ручеек. Небольшой ручеек, но с такой чистой и прозрачной водой – залюбуешься. Обрадовался парень, кинулся из последних сил к ручью, зачерпнул холодной водицы полную пригоршню и выпил. И такой вкусной вода ему показалась – вкуснее всех яств на свете, и такой сладкой, как мёд липовый. Напился вдоволь юноша, омыл лицо своё, чтобы грязь смыть да зуд унять. И только он присел отдохнуть под елью, дух перевести, как внезапно, сквозь журчание ручья и шум деревьев, услышал тихое, как будто вдалеке:

– Ау! Ау!

Парень подпрыгнул от неожиданности. Неужто люди! Живые! Настоящие! Он почувствовал, как внутри разлилась теплота и трепетная радость. «Может, вот оно – будущее», – подумалось парню. «Люди, глядишь и меня знают, раз тут все вместе оказались». Эта мысль наполнила его силами, которых, казалось, уже и не осталось.

– Э-ге-гей, братцы! Ау! – воскликнул Вася счастливым голосом.

– Ау! Ау! – послышалось ему в ответ.

– Ау! Где вы?! – кричал Вася, оглядываясь по сторонам и пытаюсь определить, откуда идёт звук.

– Ау! Ау! – звук послышался ближе и справа от Васи. Он побежал в ту сторону, крича:

– Ау! Ау!

– Ау! Ау! – вторилось ему. Совсем недалече. Вот только не справа уже, а слева. Вася изменил направление и устремился на звук.

– Ау, люди добрые! Где вы?!

– Ау! Ау! – звук был уже совсем рядом, но за спиной у парня!

Вася недоуменно остановился. Что за наваждение такое? Ведь только что был там, не видел никого. Счастье встречи, переполнявшее его, развеялось. «Привиделось от голода», – грустно подумал он, безвольно повесив руки вдоль тела.

– Ау! Ау! – произнёс голос совсем близко и тихо захихикал.

– Эй, ты! В игры со мной играть вздумал, дух лесной! А ну покажись! – злость закипела в парне. Где ж это видано – уставшего путника за нос водить!

– Ау! А ты попроси-и-и, пра-а-авильно попроси, глядишь, и покажусь, – пропел тихонько голос у него рядом с ухом и снова озорно хихикнул.

Вася завертел головой. Нет никого! Неужто и правда от голода ему мерещится?

– Прошу прощения за грубость мою, хозяин лесной. Покажись, помоги путнику заплутавшему, – Вася последовал совету голоса и склонил голову, руку прижав к груди, успокаивая разбушевавшееся сердце.

– Хозяин? – удивлённо произнес голос. – Не хозяин я. Я просто так, помощник, – голос донёлся от небольшого неприметного кустика. Пригляделся Вася – и вот это чудо! Не кустик это совсем, а человечек! Ножки маленькие, ручки маленькие, животик колесом. Глаза зелёные, поблёскивают из-под кустистых бровей. Курточка и штанишки из листвы сшиты, а в волосах опавшая листва да веточки впутаны. – Аука я, – человечек смешно шаркнул ножкой и улыбнулся.

– Здрав будь, Аука! Меня Васей кличут. Ух и напугал же ты меня, – улыбнулся Вася. Злость тихо угасала, сменяясь удивлением.

– Ну я же шутя, – засмутился дух. – Скучно тут в лесу, – понурившись, продолжил он, водя носком по земле. – Люди сюда редко заходят, а Хозяин леса вечно занят. Некогда ему со мной играть да беседы вести.

– А выйти из лесу? Там вон на полянке Печник живет – он охоч до бесед, – махнул рукой в сторону озера парень.

– Не могу я уходить из леса, Хозяин строго-настрого запретил, – грустно вздохнул Аука. – Печник хотя бы по печкам ходить может, я же к лесу привязан, далеко и надолго уходить мне нельзя. Да и свет солнечный я люблю, а Печник, – дух поморщился, – луну привлекает.

Жаль стало Васе одинокого духа.

– Неужто в целом лесу не найдётся для тебя друзей?

– Занятые они все, не до бесед им, – звенящим от обиды голосом сказал дух, присел на торчащий корень и стал задумчиво его ковырять.

Вася вздохнул. Вид бедного Ауки, который сидел понурый, вызывал у него тихую грусть. В душе будто кольнуло иголкой, напоминая о чём-то. Или о ком-то.

– А давай я с тобой поиграю, а, Аука? Ты только покажи мне полянку с ягодами аль орехами, голод меня замучил, – предложил он духу, – Да и передохнуть чутка надобно, ноги меня совсем не держат.

Дух заулыбался, глаза заблестели радостно, в предвкушении.

– А давай! Давай, давай, давай! – захлопал он радостно в ладоши.

Повёл Аука Васю обратно к ручейку. Вдоль него пару локтей прошли – и на полянку вышли. И малина тут, и земляника, и кусты орешника – всего вдоволь. Наелся Вася, да и орехов в карман напихал на путь дальний. Присел у ручейка, воды вкусной снова напился. Хотел было вздремнуть, но вид Ауки, который переминался с ноги на ногу от нетерпения, вызывал улыбку. «Эх, ну потом отосплюсь!» – подумалось Васе.

– Ну спасибо, дух лесной, голод я утолил. Теперь и силушка появилась поиграть с тобой, – обратился он к Ауке, а тот уже и пропал.

– Ау! Ау! – слышалось в стороне ручья.

Смекнул парень, как хочет Аука с ним поиграть, и бросился в сторону звуков – Ауку искать.

То тут, то там раздавались возгласы духа, то туда, то сюда бегал Вася. То к ручью метнётся, а Аука позовёт его из сени елей. Бежит к ёлке – а Аука уже с полянки зовёт. Прибежит на полянку – Ауки и тут уже нет. Гонялся за Аукой парень по полянке несколько часов. Аука хитрил – покажется рядышком, только подойдёшь, чтобы схватить – а он бац, пропал! Ни разочку не получилось у юноши хоть пальцем задеть Ауку. Ноги у Васи снова разболелись, а Аука всё не останавливался. Упал парень в изнеможении на ковёр из иголок еловых, да и лежит не в силах подняться.

– Тю-ю-ю... Какой-то хилый ты паренёк. А обещался поиграть со мной, я ещё не наигрался, – разочарованно протянул Аука, внезапно оказавшийся рядом. – Стало быть, раз не

выполнил свою часть сделки, то и наказание тебе от меня будет, – произнёс он, и откуда ни возьмись появилась перчатка в его руках. Да не простая перчатка, а та самая, которую старуха подарила!

Опешил Вася. Хлоп по карманам – а там только орехи да спица. Нет перчатки! Утащил Аука окаянный!

Снова поднялась в Васе ярость. Что же не так с этим проклятым Буяном, день за днём испытывают его то один, то другой. А тут ещё и подарок украли. Не знал он, для чего в будущем пригодится ему этот дар, и так один уже в колодце потерял.

– Негоже обманывать путника, дух! Я обещал поиграть – я поиграл. А ты воровать удумал. Вертай перчатку взад, не тебе дарёная была! – с усилием встал на ноги Вася, грозно сдвинув брови.

– А ты отбери, попробуй, – противно захихикал Аука, вертя руками перчатку, которая была откровенно ему велика. – Ау! Ау! – раздалось слева от Васи, совсем недалеко.

Скрипя зубами, кинулся туда парень – а Аука уже с другой стороны аукает. Бросился туда – Аука сзади уже. До самого восхода луны гонялся так Вася за Аукой, пока не свалился наземь.

– Д-а-а-а, не богатырь ты, парень, – хмыкнул Аука, появившись рядом. – Эка как быстро устал, даже до рассвета поиграть не смог.

Вася даже отвечать не стал – сил не хватало даже на слова. Лежал и грозно глазами двигал, пытаясь дыхание в норму привести.

– Эх, – Аука грустно вздохнул, – ладно. Поиграл – сколько поиграл. Всё равно было веселее, чем одному тут бегать. Держи свою перчатку, молодец. Не со зла я её забрал, раззадорить тебя хотел, – Аука положил перчатку на тяжело вздымавшуюся грудь юноши и продолжил: – А за то, что не отказался со мной поиграть, помогу тебе из леса выйти, один ты не выберешься.

Вася даже не сразу понял, о чём речь – перед глазамиплыли тёмные круги, в ушах звенело.

– С-с-спасибо, дух добрый, – еле ворочая сухим языком, произнёс Вася. – Век не забуду доброты твоей.

Аука усмехнулся и пропал.

Вася ещё полежал немного, дыхание переводя, да пополз к ручью, искрящемуся под лунным светом, жажду утолить. Испив водицы, Вася присел под ёлку, да и уснул на опавшем лапнике, без сновидений.

Вася проснулся с первыми лучами солнца, показавшимися из-за ветвей ели, под которой он уснул. Руки от неудобной позы затекли и онемели, любое движение ими причиняло боль. Парень застонал и, извернувшись, сел, стараясь размять ноющие конечности.

– Да, молодец, неудачное место для сна ты выбрал, – хихикнул рядом Аука.

Вася повернулся на голос духа, сидящего у ручья и самозабвенно лопающего малину. Неужели дух вернулся? Когда он вчера исчез, юноша думал, что больше никогда не увидит лесного знакомого.

– Что, удивлён? – хмыкнул дух. – Ну я же обещал вывести тебя из лесу, без моей помощи у тебя не получится. Вон, руки отказали, куда ты один такой пойдёшь?

Аука поднялся, подошёл к парню и протянул тому горсть ягод, аккуратно разложенных на лопухе.

– На, подкрепись, болезный, – заботливо произнёс Аука и поднёс лопух ровнёхонько ко рту парня.

Вася кивнул благодарно и с удовольствием принял угощение. Малины было немного, но и за это он был благодарен маленькому духу. Аука же, пока Вася жевал малину, достал из-за

пазухи небольшой мех для воды, наполнил его в ручье и помог парню напиться. Затем вновь наполнил сосуд и произнёс:

– Ну что, в путь-дорогу. Мне надолго уходить нельзя – Хозяин леса гневаться будет.

– Спасибо тебе, Аука, за помощь и заботу. Навек в долгу у тебя останусь, – Вася с усилием встал на ноги, баюкая больные руки, и двинулся вслед за духом.

Аука вёл путника уверенно, огибая овраги на пути, обходя густые заросли и предупреждая о корнях и кочках, которые были скрыты опавшими иголками. Шли они весело – Аука, подпрыгивая от радости – наконец-то собеседник! – рассказывал разные шутки и истории про лес, иногда бросался в пространные воспоминания, в которых перескакивал с мысли на мысль, путая себя и товарища.

– Давно ты в лесу живёшь? – любопытствовал у него Вася.

– Да сколько живу на свете – столько тут на Буяне и живу – пожал плечами дух. – А до Буяна... А до него я не помню, не было ничего, значит.

– А Хозяин леса – какой он?

– Сильный. Очень-очень. И мудрый, – Аука задумался и посерьёзnel, даже перестал вертеться из стороны в сторону и подпрыгивать. – И справедливый. Но и жестокий, – последнее слово дух прошептал, испуганно озираясь по сторонам. Васе подумалось, что не хотел бы он встречаться с Хозяином один на один.

Тем временем меж елей стали попадаться тонконогие осины и молодые берёзки. Через пару-тройку локтей елей совсем не осталось, и непролазная чаща сменилась молодым ярким подлеском, который плавно перетёк в степь. Вася удивился. Он думал, что они будут продвигаться медленно, учитывая небольшие ножки духа, но тот двигался резво и прытко, так что даже Вася не всегда за ним поспевал. Солнце было в зените, небо без единого облачка ярко голубело. Трава чуть колыхалась от лёгкого ветерка, густо пахло свежей зеленью и душицей, в обилии росшей под ногами. Вася глубоко вдохнул аромат, ощущая свободу и лёгкость, от которой уже отвык в чёрном душном ельнике.

Степь простиралась до самого горизонта – ни одного деревца, которое нарушило бы этот вид. Но всё же что-то виднелось недалече от кромки леса, из которого они вышли, – тёмное, чужеродное, будто нарисованное.

– Аука, а что это там? Неужели дом чей? – спросил Вася у духа.

– А это, Вася, дом Листина, – Аука снова перешёл на шёпот, – разгневался на него Хозяин и выгнал его из леса, совсем-совсем. Поставил тут, на Забудь-реке, охранять её от других и других от неё, – Аука шмыгнул носом. – Жаль дедушку, хорошо он службу нёс, да оступился. Вот несёт своё наказание, уже несколько людских жизней как.

– А что он такого совершил, что его так жестоко наказали?

– Не уберёг он лес. В прошлом... Но это неважно, не моё это дело, ничего не знаю, ничего не спрашивай! – прервался Аука на полуслове, закрыл уши и завертел головой. – Это дело Хозяина и Стратим, мне туда лучше нос не совать, не то рядом с ним встану или ещё чего похуже... Сам у них спроси, если так интересно.

– А что за Забудь-река такая? – решил сменить тему Вася, хотя самого раздирало любопытство – что же такое произошло и кто такая загадочная Стратим?

– Это страшная река, очень-очень. Она позволяет забыть всё прошлое человека, его ошибки. Только не вода в той реке, а забудь-трава – густая, ароматная, зовущая. Но есть в ней и подвох: забыть-то ты забудешь, но вместе с воспоминаниями и опыт весь уйдёт, будешь аки чистый лист, без прошлого, – Аука передёрнулся. – Не хотел бы я окунуться в эту реку. Воспоминания, пусть и самые плохие, всё равно добро несут, расти нам позволяют, меняться. Воспоминания – это, по сути, мы сами.

– А мимо реки никак пройти нельзя?

– Нет, – покачал головой дух – Можно только перейти через неё. Твой путь дальнейший за ней лежит.

– Но как же её пересечь, коли нельзя воды касаться?

– А вот тут как раз-таки и нужен Листин. Охраняет он мост над рекой.

– Значит, через мост не пройти никак? – Вася напрягся

– Отчего же? Пройти можно, коли тебе это и правда нужно, – загадочно ответил Аука.

Вася и не заметил, как пока они беседовали, ноги уже сами их принесли к берегу. Прав был Аука – Забудь-травы так и манила, так и звала окунуться в свои недра. Аромат горьковато-сладкий, немного полынный, немного медовый ворожил, опьянял. Казалось, что травы не просто колыхаются под лёгким ветерком, а что-то шепчет, зовёт. Вскоре показался мост – старый, покосившийся, деревянный, на солнце выжженный. А у моста стоял дед – сгорбленный, весь листьями покрыт: жёлтыми, зелёными, красными, оранжевыми. Борода седая, по земле волочится, брови кустистые, глаз не видно под ними. Опирается дед на весло, аки на посох. Услыхал их шаги, повернулся к ним грузно. Повернулся и застыл недвижимо, лишь листья на одежде колыхаются от ветра.

– Здрав будь, дедушка! Уж сколько лет не видывались, – вышел вперёд Аука.

– День добрый, дедушка! – присоединился к нему Вася. – Позволишь ли по мосту твоему пройти, реку опасную пересечь?

Заскрипел дед. Встал у моста да дорогу перегородил веслом. Достал из листы своей чарку неприглядную, отвара странного полную. Отвар тот темно-зелёный, травянистый, на солнце переливается да пахнет так сладко и так горько. Показалось Васе, что зовёт его это снадобье, так и нашёптывает ему: «Пей, пей!»

– Забудь-травы! – воскликнул Аука. – Отвар этот из забудь-травы. Выпьешь – разом забудешь все свои ошибки прошлого, которые вниз тебя тянут. Да и не только их – всего себя забудешь!

Задумался Вася. А если в колодце-то не видение было, не сон неприглядный, а вправду воспоминание его забытое? Что он и правда парнишку молодого на смерть обрёл и не пожалел ни капли? Что если забыть это воспоминание и не возвращаться к нему никогда, не грызть себя? Начать все с чистого листа. Руки сами потянулись к чарке, к зовущему напитку, который так манил.

Колебался юноша лишь миг. Пусть даже если и правдой видение это окажется – будет ему напоминание, будет его ношей, которая не позволит впредь ему такие ошибки совершать. Как и сказал Аука: прошлое – это опыт, который вершит наше будущее. Да и чего ему забывать – он и так ничего не помнит. Тут его пронзила острая, как игла мысль – а вдруг он уже выпил отвар? Вдруг из-за забудь-травы он ничего и не помнит? Парень вздрогнул. Отдернул он руки да за спиной сложил, чтобы не поддаваться искушению.

– Спасибо, Листин, за угощение предложенное. Но откажусь я от него – негоже об ошибках своих забывать. Нужно помнить их да урок уметь вынести.

Аука ободряюще коснулся ноги путника, поддерживая. А дед тем временем усмехнулся, да и отвернулся от путников, освободив проход.

Отступил Листин с моста, убрал свой посох, преграждавший путь. Вася сделал робкий шаг, внутренне сжимаясь от страха, что сейчас грозный дед снова перегородит ему путь. Но Листин стоял в стороне и, казалось, совершенно не интересовался путником. Тот осмелел и ступил на шаткий мост. Посмотрел на Ауку, с грустью понимая, что сейчас им предстоит расстаться.

– Прощай, Вася, дальше я с тобой пойти не могу, – помахал ему рукой Аука, подтверждая его мысли. – Держи, вот, воды в дорогу. Более я тебе уж и не помощник, – и протянул ему мех с водой, у ручья набранной.

Юноша не на шутку расстроился. Привык уже к спутнику, да и знал он многое, что могло в пути помочь. Веселее как-то в дороге вместе было, спокойнее. Жаль было расставаться, но что поделать – предупреждал же Аука, что не может он от леса далеко уходить.

– Спасибо, дух лесной, за помощь твою неоценимую. Вовек не забуду. И тебе, Листин, спасибо, что пропустил, что дал путь продолжить, – с грустью сказал Вася, тепло улыбнувшись духам. Аука радостно помахал ему на прощание, Листин же что-то проскрипел, отчего Аука рассмеялся. Вася недоуменно посмотрел на них, но Аука махнул рукой – мол, неважно – и повернул к лесу.

Поклонился юноша Ауке и Листину, да и тронулся в путь, по мосту и дальше – в степь необъятную.

Сколько Вася шёл по степи, он и не знал, время слилось в единое целое. Солнце словно прилипло к зениту и пекло нещадно, от его жарких лучей было спрятаться негде: трава стеной стоит, ни кусточка, ни камешка приютного. Впереди лишь трава да синее небо. Вода в мехе быстро закончилась, проснулся голод ненасытный – все мысли Васи пустой желудок воровал, только о еде и думал. Идёт Вася и размышляет: как хорошо сейчас бы каши горячей поесть, или картошки в углях запечённой. Но ни ягодок, ни орешка – ничего в этом травяном море не было.

Шёл и Вася и шёл, солнце всё так ни на йоту и не сдвинулось. И пейзаж вокруг не меняется, словно застыло всё в едином моменте. «Снова это место меня за нос водит», – чертыхнулся парень. «Ни минуты покоя», – злился он. Когда, казалось бы, он прошёл уже целую вечность, день наконец начал клониться к закату – тень путника удлинилась, ветерок стал холоднее, пробирая дрожью разгорячённое солнечными лучами тело. Вдруг откуда ни возмись возник впереди камень. Не было его – и тут на тебе, возник у горизонта, как по волшебству. Но не удивился Вася – привык уже, что тут всякие чудеса случаются. Коли уж реку из травы за спиной оставил, так почему бы и камню впереди не появиться.

Пошёл юноша по направлению к камню. Идёт и идёт, а камень всё не приближается. Уж и солнце закатилось, луна взошла, а камень ни на пядь не подступил.

Вася горестно вздохнул. Сколько времени он идёт, а камень проклятый так и не хотел путника к себе подпускать. Решил он в степи заночевать, силы восстановить: авось поутру, при солнечном свете, еду какую найдёт да с новыми силами дальше в путь двинется.

Нарвал парень травы себе побольше, чтобы мягче спать было. Он лежал и смотрел в тёмное ночное небо. Звёзды дружелюбно подмигивали ему с небосклона, желтоватый диск луны уже был обрезан – луна пошла на убыль. Он смотрел и думал: есть ли такие же звёзды там, откуда он пришёл? Или, может, в том месте звёзд нет вообще? И какие они – эти звёзды? Вдруг представились белые сияющие собачки, которые бегают по небосклону, играя в салочки со своей хозяйкой – Луной. «Интересно, а они наблюдают за тем, что творится здесь, внизу? Или же им нет до нас дела?» – думал он. За этими думами Вася и не заметил, как провалился в тревожный сон. Снилось звёздная собачка, которая протягивала ему миску с кашей – дымящейся, ароматной, с маслицем сливочным. Так и манила эта каша, так и звала. Живот у парня судорогой скрутило, слюна тонкой струйкой протянулась изо рта спящего. Тянул Вася во сне к каше руки – но дотянуться всё не мог. Так и проснулся на заре – голодный, злой, обиженный сном несуразным.

Солнце только-только розовило край неба, свет звёзд ещё не погас. Потянулся Вася, размял тело онемевшее, решил поискать поблизости пропитание какое. Да вот только увидел он не ягоды да орехи, а камень, за которым вчера гнался. И был этот камень совсем близко – в

локте, не больше. Большой, серый, ветром обтёсанный. И лестница была в том камне, вырубленная, на самый верх ведёт.

Боязно было путнику – коли как опять камень бежать от него вздумает? Шёл к нему осторожно, неторопливо. Но камень застыл истуканом, словно разрешение дал путнику приблизиться. Парень прикоснулся к шероховатой поверхности, пальцами проваливаясь в небольшие щербинки. Камень был прохладный на ощупь, с мягкими, обтёсанными ветрами гранями. Васе даже показалось, что пахнет камень солью и штормом. И он даже удивился своему предположению – разве у шторма есть запах? Но, когда он трогал этот камень, в голове сразу пронесли образы обдуваемого штормовыми ветрами и омываемого могучими волнами каменного берега, который он первым увидел в этом странном, пугающем, но удивительном месте. Ступени, высеченные в толще каменные глыбы, были такими же обветренными и слегка осыпались под его шагами. Поднимался на самый верх он недолго – всего ступеней десять. Но наверху ему показалось, будто он забрался на самую высокую точку Буяна. Куда глаза глядят распростёрлась внизу степь, а где-то на горизонте виднелись темные угловатые пятна. «Ельник!» – осенило парня. «Поди-ка и берег недалеко», – смекнул он. Оглядев площадку, на которую вывела его лестница, юноша удивлённо вскинул брови. В самой середине площадки, в ложбинке, было гнездо. Диковинное гнездо – и ветки тут, и нитки разные, и ткани шёлковые, и волосы. А в самом гнезде лежало яйцо. Небольшое такое, чуть больше куриного. И такое красивое! Голубоватое, в крапинку, переливается на первых лучах солнца, как драгоценный камень. Но, несмотря на всю красоту яйца, первой мыслью Васи была одна: вот бы его съесть! Можно на камне, под солнцем зажарить, а можно просто сырым выпить. Живот горестно заурчал, словно призывая: да, да, съешь его! Парень взял в руки яйцо, намереваясь его расколоть. И остановился. Помешало ему какое-то смутное ощущение, словно какой-то шёпоток в голове прозвучал. Яйцо в его руках было тёплым, словно живое. И, казалось, что изнутри яйца пробивалась какая-то лёгкая дрожь. «Птенец али какой?» – мелькнуло в голове у парня, и он, отмахнувшись от настойчивого шёпотка в голове, замахнулся рукой, чтобы разбить яйцо о камень. Замахнулся и... опустил руку. Он ощутил, что дрожь, пробравшая яйцо, равномерная, словно оно билось в его ладони, навевая одну лишь только мысль:

– Сердце это! – шёпотом произнёс Вася. – Сердце этого места.

Понимание обрушилось на него, словно удар грома среди ясного неба. Вася не знал, откуда пришло к нему это знание, но всем своим естеством понимал, что это так. И что если повредить это яйцо или, не дай бог, съесть – то и место это исчезнет навеки. И все, кто тут живёт: и старуха, и Печник, и Аука с Листином, – все, кто ему уже столько раз помогал.

Парень аккуратно вернул яйцо обратно в гнездо, надеясь, что не повредил столь дорогую вещь. Живот противился решению парня – он уже болел от голода, но Вася не обращал на это внимания, старательно осматривая яйцо, боясь найти там хоть малейшую трещинку. Но яйцо было цело, и юноша облегчённо выдохнул. Не углядел он взглядом еле заметную, словно заживший шрам, полоску, приняв её за блик солнечного света на скорлупе.

В кармане загло. Вскрикнув, Вася достал из кармана спицу – дар старухи. Спица раскалилась, да настолько, что юноша сразу её выронил – кожа на ладони покраснелась, и волдыри тут же надулись. Лежит спица на камне, алым жаром полыхает, да дрожит тихонько, будто от нетерпения.

– Ты в гнездо хочешь? – спросил Вася у спицы и тут же себя одёрнул: у спицы спрашивает, вот же олух.

А спица-то ещё сильнее раскалилась, даже камень плавить начала, уж не дрожит – а подпрыгивает от нетерпения.

– Неужто и правда в гнездо положить тебя надобно? Как я такую горячую тебя туда положу? Ни в руки взять, ни к яйцу поднести – изжаришь ведь. Не хочу я это место да друзей своих обрётённых потерять, – покачал головой парень.

Словно поняв его слова, спица тут же успокоилась. Жар моментально пропал, да и нетерпеливая дрожь сменилась лёгкой, едва ощутимой вибрацией.

Понял путник, что неспроста он камень этот нашёл, как и спицу ему дали не просто так. Видно, судьба его такова была – спицу к гнезду принести. Может и на острове он только для этого и появился.

Подошёл он к яйцу, прикоснулся к нему, погладил аккуратно. Почувствовал он силу, из яйца исходящую, зовущую, тянущую. Словно само яйцо ему подсказывало, что спицу надобно в гнездо положить.

Решался он недолго. Поднял спицу аккуратно – остывшую, слегка тёплую, как будто только в руке побывавшую, – да и положил рядышком с яйцом. Спица засияла – и вот же миг на чистом голубом небе сверкнула молния, да такая яркая, что юноша зажмурился. Глаза ещё не открыл, а уже почувствовал, как ветер переменялся. Был только что лёгкий тёплый ветерок, а сейчас будто буря налетела. Он почувствовал холодные капли на своем лице и терпкий запах соли. Открыл молодец глаза и обомлел – степь исчезла, и вместо травяного простора он снова вернулся на штормовой берег. Сосны, жалобно скрипящие от ветра, тис, ветками касающийся розового бадана, волны, яростно бьющиеся о скалистый берег. И избушка, выглядывающая из-за зарослей.

Избушка встретила его, как и в прошлый раз, – тёмными провалами окон да покосившейся дверью. Открыл Вася дверь в избушку – нахальный ветер всё так же пытался закрыть её обратно – и вошёл в горницу. Тихую, тёплую, пахнущую сушёными травами, что висят под притолокой. Огонёк свечи мягко озарял угол возле печки у окошка. И сидела там, на том же самом месте, старуха – первая его знакомая на Буяне. Сидит, всё так же спицы в руках порхают. Рядом носок один связанный лежит, второй, видно, довязывает.

От запаха трав, щекочущих ноздри, Вася чихнул. Старуха подняла на него глаза, и Васе показалось, что она даже не удивилась его визиту. Молча на него посмотрев, она снова вернулась к вязанию.

– Здоровьишка тебе, бабушка! – смущённо поздоровался юноша. – Вот, снова свиделись.

Старуха же даже не подняла глаз, так и продолжила вязать, всё так же молча кивнув путнику.

– Позволишь ли снова у тебя в горнице непогоду переждать?

Старуха указала на лавку у печи, что-то беззвучно шепча себе под нос.

Сел Вася на лавку и тоже замолчал. Поскрипывали порхающие спицы, потрескивала горящая свеча, дыхание старухи было тяжёлым и неравномерным.

Не знал Вася, сколько времени прошло, – окно оставалось тёмным, свеча, поди волшебная, не уменьшалась. У тёплой печи в полумраке сиделось так уютно и спокойно. Он расслабился, позволив наконец мышцам отдохнуть после бешеного путешествия по Буяну. От тишины и тепла юноша, разомлев, задремал.

Голова девушки на его плече легко подрагивала в такт движущейся телеге. Её золотые, как рожь, волосы слегка щекотали щёку и ухо, но он даже боялся двинуться, чтобы случайно не разбудить её да мальчонку, спящего у неё на коленях. На небе ярко сияла луна, перемежались хвастливые звёзды, сверкая огоньками на тёмном небе. Лошадь медленно тащила за собой по тракту гружённую телегу, вокруг трепетали молоденькие берёзки, и было так хорошо и спокойно, казалось, ничто не потревожит их маленькое семейство.

Он прикрыл глаза, думая, что моргнёт, а сам случайно задремал. Проснулся он резко – лошадь внезапно понеслась, не разбирая дороги. Телега затряслась, девушка и мальчонка чуть

не вылетели из неё. Он тщетно пытался остановить лошадь, но что-то её напугало так сильно, что она не слушалась поводов.

Кое-как справившись с перепуганной животной, он успокоился и слез с телеги, проверяя, всё ли на месте, и давая время девушке успокоить ребёнка. Он не ждал удара, который прилетел ему в лицо, стоило ему лишь обернуться на звук позади себя. Он упал на спину, девушка закричала. К ней подбежал кто-то и ударил, заставив её захлебнуться своим криком.

Удар. Боль. Крик. Брошенный на землю ребёнок, который упал бездыханным. Белые женские ноги, торчащие из-под грузной фигуры. Удар. Крик. Кинжал. Боль в груди.

Вася резко проснулся. Дрожит весь, по телу выступила липкая и противная испарина, сон отозвался в душе натянутой струной. Ощущение холодного клинка, проходящего сквозь тело, было таким ярким, что юноша даже за грудь схватился, проверяя, нет ли раны. В глазах ещё трепетали листвой берёзки, даже не сразу пришло понимание, что смотрит он не на землю, а в дощатый, покрытый вязаным ковриком пол. Взгляд поднял – сидит старуха, в руках оба носка связанных, на него пристально смотрит.

– Что, молодец, али увидел чего? – смотрит, взгляд не отрывает, брови нахмурены и глаза обеспокоены.

– Да так, бабушка. Сон плохой приснился, – тяжело дыша, отмахнулся Вася.

Хмыкнула старуха. Носки за пазуху спрятала и поднялась, кряхтя. Достала из печки чугунок с картошкой и унесла его к столу, стоявшему неприметно в полумраке горницы. Жестом юношу за стол пригласила, хлеба краюху дала из корзинки, полотном прикрытой, в миску картошки ароматной наложила.

– Ты, – говорит, – молодец, на сны свои внимательно смотри. Много там узнать можно. Выбрал ты от печника путь на молодое солнце и будущее своё нашёл, который тебя к сердцу Буяна привёл. Дары мои с умом использовал, – одобрительно покивала старуха. – Спицу эту я тебе для защиты подарила: в нужный момент она бы мечом стала, а ты её отдал яйцу – его защищать. Перчатку сохранил, оберег твой, который помогал тебе с духами лесными общий язык находить и путь к яйцу найти. А ведь мог просто выбросить за ненадобностью или Ауке отдать играть – он на такие вещи падкий, – старуха хихикнула, видимо, вспомнив озорного духа-проказника. – Приглянулся ты Буяну, поэтому и вернуло тебя яйцо сюда, в начало твоего пути, чтобы найти прошлое своё.

Поперхнулся Вася от неожиданности: картошка жёваная носом пошла, расчихался бедняга, закашлялся.

– А как так, бабушка? Есть способ какой?

Старуха помедлила с ответом. Откусила от ломтя хлеба, задумчиво прожевала. Затем, смотря парню прямо в глаза, тихо сказала:

– Отчего же нет. Есть.

Задумался парень, приободрился. Неужто и правда получится прошлое вернуть? Получится вспомнить всё то, что до острова чудного с ним было? Себя вспомнит, имя своё. Хотя, мысленно улыбнулся Вася, свикся он уже с новым именем, даже будет жаль прощаться. В груди кольнуло. Память же хранит не только добрые воспоминания. А вдруг и правда всё, что он видел – в колодце и во сне, – правда? Несмотря на тепло от печи, кожа у парня покрылась мурашками. Может, он и правда наворотил дел в прошлом и сам себя памяти лишил, лишь бы не помнить своих злодеяний. Перед глазами вспыхнули образы моста и деда Листина, протягивающего ему чарку с отваром забудь-травы. Вспомнились ему и слова Ауки. Внутри что-то щёлкнуло, будто открылась входная дверь. И тут он понял. Понял, что не хочет забывать он своего прошлого, что хочет нести груз своих ошибок. Хочет войти в дверь своего прошлого и коли найдёт там ошибки – хочет постараться их исправить.

– Ну, бабуль, скажи, что делать надо?

Время снаружи избушки текло своим чередом. Ветер шумел, волны бились о скалы, истошно орала птица в лесу, словно веткой пришибленная. Внутри же, в тепле и сухости, за столом, отбрасывая неясные тени, сидели Вася и старуха. Пламя свечи легко дрожало от высказанных слов, нехитрая снедь уже была порядком подъедена.

– Так вот. Нужно тебе, молодец, найти сад яблоневого, который в гуще леса находится. Всего один день в году – в День Стрибога – обладают плоды в том саде целебными свойствами – любую хворь снимают. В том числе и память утерянную возвращают, – тихонько говорила старуха, постукивая пальцем по столу. – Отведешь яблочка из сада – и память свою вернешь тут же. Но, – старуха подняла палец вверх и посмотрела на Васю, – учти, что память возвращать – дело нелёгкое. Всё, что ты помнил за всю свою жизнь, мигом на тебя обрушится. И коль силен ты духом – то и жизнь свою сохранишь. В ином же случае – сгинешь.

Вася сглотнул. Не так просто и легко всё оказалось, как по первости ему думалось. Угроза смерти снова повисла над ним, а вдруг и правда сгинет, не сможет справиться с воспоминаниями. Но желание узнать правду о себе было сильнее. Страшно ему было, но он всё же решился и спросил:

– А как мне сад тот волшебный найти?

– Всё просто. Тебе снова нужно вернуться к старому пройдохе Печнику, он тебе путь верный укажет, – старуха деловито стала собирать посуду со стола и кидать её в кадку. Туда же отправилась вода из уже знакомого котелка, и старуха принялась намыывать миски. Помоев одну – поставит на стол. Через пару минут на столе стояли рядом чистые тарелки, а старуха вытирала мокрые руки полотенцем.

– Прошлый путь привёл тебя к сердцу острова, к яйцу Стратим-птицы, защитницы Буяна, – продолжила она. – Ты защитил яйцо, а мог бы и съесть от голода, или разбить из любопытства, или забрать себе из алчности. Испытание это твоё было. Твоего духа и тела. Поэтому я и уверена, что ты сможешь вернуть себе память и не пострадать. Ну-ка, подсоби мне. Плесни-ка за порог, – она кивнула на кадку.

Вася с усилием открыл дверь, запустив в горницу ветер и шум яростных волн. Небо было тёмным, среди кучевых штормовых туч проглядывал белый глаз луны и сияли редкие звёзды. Парень аккуратно выплеснул воду, проследив, чтобы ветром не занесло в комнату брызги, и закрыл дверь, снова отрезав их уютный мирок от грозы и холода.

Старуха уже сидела на своём излюбленном месте у окна и снова принялась вязать. И снова мелькали спицы в её руках, оставляя наблюдателю самому решить, что она вяжет – то ли новый носок, то ли новую перчатку.

– Бабуль, можно у тебя тут на лавке переночевать, сил набраться?

– Да ночуй, молодец, мне не жалко. Только помни: тебе нужно поспеть найти сад до Дня Стрибога. В другие дни – это просто яблоки. Хоть пуд съешь – ничего не вспомнишь.

– А когда он, День этот? – Вася заволновался. Он надеялся на то, что у него есть время, но сейчас стал бояться его возможного отсутствия.

– Неделя. Ровно семь дней осталось до него, – старуха перестала вязать и внимательно на него посмотрела. – Только увы, молодец, в этот раз я уже ничем тебе не смогу помочь. В этот раз мой дар – только слова. А уж как ты ими воспользуешься – это твой выбор.

Вася кивнул. Неделя. На сердце немного отлегло. Есть ещё время, значит. Прилёг парень на лавку, подпёр щеку рукой и задумался о том, что же ждёт его в его же памяти. Кем он был? Как здесь оказался? И что же это за сны такие? Кто тот несчастный парень из колодца? А кто эта девушка с золотыми волосами? Много вопросов было в голове у Васи, и так он и уснул, под лёгкий перестук спиц, к счастью, без сновидений.

Проснулся Вася в полумраке. Через пыльное оконце пробивался солнечный свет; хижина выглядела, как и положено старой развалившейся лачуге – ветхой и грязной. Как и в прошлый раз, старуха поутру исчезла, оставив за собой лишь развалины. Кряхтя, парень поднялся с покосившейся лавки, которая чудом удержала его вес – её ножки смотрели в разные стороны, а сиденье было изъедено короедами и крошилось. Отряхнув опилки с портов и потянувшись, он краем глаза заметил на пыльном кособоком столе какой-то предмет. Присмотревшись, Вася понял, что на столе лежит узел из белёного полотна, который многообещающе топорщится. С подозрением подошёл к столу (Вася уже уяснил, что на Буяне многое кажется не тем, чем является на самом деле) и аккуратно, настороженно развязал узел. И, сам того не замечая, с облегчением выдохнул – в узле была краюха хлеба, кусок сыра, пара яблок и небольшой мех с водой. Хоть даров старуха и не обещала, но едой с молодым поделилась.

– Спасибо, бабушка! – сказал парень молчаливому дому и поклонился.

Завязал узелок, да и закинул за плечо. Пора в путь: ещё до духа-печника добраться надобно, а там неизвестно, сколько идти до яблоневого сада.

Уже с привычным усилием Вася отворил дверь избёнки и двинулся в дорогу – в точности путь до Печника он не запомнил, но в какую сторону пошёл в прошлый раз, держал в голове. А там идти по прямой и не сворачивая.

Пейзаж за стенами дома не изменился. Хмурое небо над морем, выглядывающее солнце над лесом. Волны, рокочущие у берега, да тис, касающийся ветвями розового бадана. Вася пошёл вглубь леса. Вскоре звук волн стал тихим, на смену шуму ветра пришла тишина, нарушаемая лишь редкими птичьими голосами, скрипом елей да шуршанием опавших иголок под ногами. Вася шёл, не сбавляя темпа. Шагал уверенно, высоко подняв голову, уже привычно переступая через корни. Аккуратно пролезал через заросли лапника, ловко уворачивался от колючих кустов. Ему казалось, что лес уже ему как старый знакомец – ведь он уже не пришлый, он уже тут был.

Солнце перекатилось в зените. Смахнув пот со лба, Вася присел у корней раскидистой ёлки и развязал узелок. Отломал кусок от краюхи, откусил сыра. Сделал пару глотков воды и спрятал обратно в полотно. Неизвестно, что будет впереди: запас еды всегда пригодится.

Спустя время, слегка отдохнувший, он направился дальше. Как и тогда, солнце уже клонилось к закату, но долгожданного озера так и не появилось из-за ветвей. Не принёс ветерок ожидаемой свежести и запаха тины, который он так жаждал. Чаща так и оставалась чащей, и в ней стремительно темнело. Вася забеспокоился, но всё же шёл и шёл в надежде, что вот-вот закончится лапник и появится полянка, но с каждым пройденным локтем надежда таяла. «Неужели не туда свернул?» – думал он. Эта мысль пробежалась холодной змеей вдоль позвоночника, заставив всё тело замереть на секунду. В горле образовался комок, скопившаяся во рту слюна стала вязкой, не позволяя сглотнуть. «Неужто заблудился? Или же лес специально меня за нос водит?» – мелькнула в голове мысль. А ноги всё несли и несли его вперёд. Но кроме еловых веток, которые было уже не различить в темноте, ничего ему не встречалось.

В животе заурчало. Прошло много времени с того момента, как он перекусил под сенью ели. На лес окончательно опустилась ночь, и чаща стала совершенно непроходимой – тут запнулся, там оступился, здесь еловой веткой в глаз получил. Вася понял, что у него нет иного выхода, кроме как остаться ночевать в лесу. Он устало уселся на опавшие иголки, достал из узла яблоко и сгрыз его, не оставив даже косточки.

– Вот и прошёл один день. Вот тебе и запас, – с горечью пробурчал парень и, прислонившись к стволу ели, забылся тревожным сном.

– Тятя! Тятя!

Кроха с соломенными волосами и голубыми, как озеро, глазами залихватски сидел на деревянном коньке-качалке и задорно размахивал деревянной сабелькой. Озорной ветер развеивал его волосы, радостная улыбка открывала миру три торчащих зуба малыша – видимо, остальные ещё не выросли.

Вася почувствовал щемящую тоску в груди, сердце нещадно заныло, руки сами потянулись к мальцу, но... наткнулись на колючие еловые ветки. Парень рассеянно потёр глаза и окончательно проснулся. Малыш был всего лишь сном, но боль из сердца не ушла, и Вася уже не был так уверен, что это был просто сон.

Нос защекотал печной дымок – терпкий и колючий. Вася подскочил, резво стряхнув сонное оцепенение. Неужто нашёл духа-печника!

Пошёл парень осторожно против ветра, чтобы найти место, откуда принесло печной дым. Шёл аккуратно, боясь запнуться о корень или напороться на ветку в темноте. Через несколько локтей, раздвинув лапник, он наконец увидел его – озеро, которое так давно искал. И, судя по тому, что он вышел с другого берега, всё же он где-то повернул по пути и сделал крюк.

На берегу, уже ближе к нему, чем в прошлый раз, стояла знакомая печь. Она задорно трещала горящими поленьями, пузатый чайник попыхивал на огне. А у озера с удочкой сидел уже знакомый дух.

– Вечер добрый, дух печной! – подошёл Вася поближе и поздоровался, губы сами собой растянулись в радостной улыбке.

Печник скосил на него глаза, ухмыльнулся и произнёс:

– Ну, здрав будь, Вася! Долго же тебя по лесу носило!

Дух сидел на берегу и ухмылялся в бороду, наблюдая в потёмках за поплавком. Вася только подивился зоркости Печника.

– Позволишь ли присоединиться к тебе? Нынче я не с пустыми руками, – сказал парень, развязывая полотно.

– Ну, милости просим, – проскрипел Печник. – Токмо щас поймаю рыбёшку какую.

Молодец кивнул, отнёс узелок поближе к печи и вернулся к Печнику. Уселся рядышком и стал, как и дух, наблюдать за поплавком. Озеро было тихое и спокойное, ничто не нарушало водной глади и поплавок был неразличим. Сколько парень ни вглядывался, сколько ни щурился – так и не смог углядеть его.

– Ну что, отправила тебя старуха за яблочком лечебным? – нарушил тишину Печник.

Парень удивлённо заморгал. Вот как – новости быстрее его ног оказались.

– Да. Сказала, что я прошёл испытание Стратим-птицы и яблоки помогут вернуть память мою пропавшую, – не стал отпираться юноша. – Говорит, через семь дней, на День Стрибога, яблоки в саду будут обладать чудодейственной силой, что любой недуг излечат.

– Ну, семь дней-то вчерась было, – хмыкнул дух. – Уже шесть осталось.

– А как вы узнали? – не удержался Вася от вопроса: больно любопытно ему стало, как так Печник в чаще узнал, что с ним вчера происходило.

– Тык старуха и сказала. У нас с ней эта, связь, как её там, – почесал за ухом дух, – миндальная, вот, – постучал он пальцем по лбу и довольно улыбнулся.

Внезапно круг луны на озере зарябил, леска натянулась, и дух с усилием дёрнул удочку на себя. На берег упала жирная щука – на пару фунтов, не меньше.

– Ух, ну и знатный улов, Васёк! Хватай её, а то ускачет, – воскликнул дух, указывая на трепыхающуюся рыбу. И правда – щука активно двигалась в сторону озера.

Вася рубаху снял, шуку в неё завернул и отнёс к печи поближе. Щука пару мгновений побилась в рубахе, да и затихла.

Печник тем временем удочку свернул и деловито зашлёпал к печке. Пошарил в ней и достал уже знакомую сковороду. Закипевший чайник снял, сковороду поставил на огонь. Кивнул Ваську – тот намёк понял, рубаху разматал и бросил на сковороду шуку.

Пока щука шипела и шкворчала на огне, Печник развернул бурную деятельность – достал из-за того же запечка тарелки, кружки, вилки, нож и мешок холщовый с ароматными травами. Раскрыл мешок и щедрую горсть трав сыпанул в чайник, остальное убрал обратно. Вася учуял терпкий аромат трав и различил среди них иван-чай, душицу, мяту, смородиновый лист. В примеси угадывался ещё один аромат, но его парень распознать не смог. Дух тем временем хлеб с сыром на куски порезал и на тарелки разложил. И всё так быстро, так и мелькал перед Васиными глазами – тот не успевал диву даваться.

– Ты рот-то закрой, да за рыбой следи. Чё уставился? Подгорит ненароком, – забурчал на него Печник.

Вася рот закрыл и спохватился: вилку взял, да к печке повернулся, рыбу начал переворачивать туда-сюда, чтобы и вправду не подгорела.

Вскоре рыба была готова. Дух сковороду подхватил голыми руками, не боясь обжечься, ножом лихо на куски поделил и на тарелки разложил. Сунул юноше тарелку, кружку с чаем и уселся к печи, прислонившись к её натопленному боку.

– Ой, хорош-о-о-о, – протянул Печник, закусывая шуку краюхой.

Вася не мог не согласиться – ведь и правда хорошо было. Тёплая ночь, луна ярко светит на небе, лёгкая прохлада от озера и тепло от печки. Приятная компания и вкусная еда – даже отсутствие соли на щуке не могло помешать.

– Да, хорошо, – согласно повторил Вася, с удовольствием уплетая жареную рыбу.

Закончив с трапезой и прибрав посуду, сидели они на берегу и вдвоём смотрели на гладкую поверхность озера. Вася, собравшийся с духом, наконец решил, что лучшего момента уже не будет и спросил:

– Дядюшка Печник... а что это за сад такой чудный? Почему яблоки такой силой обладают?

– Тык сад-то самый обычный. Да даже и не сад это, а просто рощица яблонева, – Печник сорвал травинку и стал задумчиво её жевать. – Тут дело всё в Сирине и Алконосте.

– В ком? – Вася с недоумением посмотрел на Печника.

– В птицах. Сирин-птица и Алконост-птица. Сирин могла бы жить хоть где на острове – чай крылатая, но уж больно любит яблоки. Вот и живёт в этой роще без продыху, яблоки жрёт да песни свои ненужные курлычет кому ни попадя.

– А что за песни и кому она их поёт? – не удержался от вопроса Вася.

Дух подзадержался с ответом. Сначала он выплюнул изжёванную травинку и сорвал новую, и лишь затем продолжил рассказ.

– Да её песни, сердешные. А поёт всем – хоть духу, хоть зверю. Людей-то у нас редко встретишь.

– А Алконост? Она тоже поёт?

– Скажешь тоже. Эта только рыдать и умеет. Вообще не уверен, умеет ли она разговаривать, – скривился дух. По его лицу пробежала тень и Васе стало понятно, что не очень-то он и привлекает эту Алконост. – Алконост ищет место поспокойнее. А самое спокойное как раз таки в саду – там же Сирин поёт, никто туда лишний раз и не суётся. Вот она туда и летает. Яйца свои у нас на берегу снесёт и летит силы свои восстанавливать в саду. Только вот в сад она прилетает и сразу вспоминает о своих детишках, которых на берегу бросила. И начинает рыдать и стонать – жуть. Завывает, слёзы текут ручьём. И на яблоки попадают. А слёзы у неё лечебные. Яблоки напитывают.

- Так вот почему яблоки необычные, хоть и рощица самая простая, – озарило парня.
- Агась, – подтвердил печник. – Жаль, что лишь на несколько часов.
- А Сирин и Алконост – они какие?
- Да непонятные. То ли птицы, то ли бабы, не разберёшь, – сплюнул Печник, – ни с кем из наших не знают, только со Стратим и ведут беседы. Птичья, тьфу, солидарность.
- А почему Алконост плачет?
- Да по детям своим плачет. Глупая птица, – чертыхнулся Печник, – сама же оставляет их на берегу океана.
- А зачем она их там оставляет?
- Чтобы росли, жили своей жизнью. Алконост откладывает яйца в дни зимнего солнцестояния. Она погружает их в океанские глубины, и пока яйца там лежат – эти семь дней на берегу нашего острова царит тишь да покой. Вечно бушующий шторм успокаивается. Штиль царит не только у берега, но и по всему океану, – недовольно сказал Печник.
- Но это же хорошо, – не понял недовольства собеседника Вася.
- Тю-ю-ю. Буян в эти дни становится доступным для всех, ведь шторм – самая важная преграда от вашего, людского мира. Но, – Печник плюнул и трижды постучал себя по лбу, – стоит отметить, что только один раз к нам попал чужак. Ну, не считая тебя. Но ты – другое дело.
- Почему я – другое дело? – заинтересовался Вася.
- После тех семи дней, – продолжил рассказ об Алконост Печник, не замечая вопроса Васи, – она возвращает их на берег и высиживает их уже на берегу, под штормовыми ветрами. Которые, – ухмыльнулся Печник, как показалось Васе, – довольно, – естественно, радости ей не добавляют. Долго высиживает: зиму, весну, да и лето практически всё. До самого Дня Стрибога, дня ветров. Потом вылупляются птенцы – уже совсем взрослые, и улетают от своей матери на вольные хлеба. А она прилетает в сад рыдать. Тьфу, деточки, – Печник снова сплюнул, но уже в его разговоре сквозило негодование. Очевидно, что сейчас он был крайне недоволен тем, как поступают дети Алконост.
- А что же дальше?
- Печник долго не отвечал на вопрос. Он сидел и смотрела на лунное отражение в озере, отрешенно пожевывая травинку. Вася хотел уже повторить вопрос, как дух наконец заговорил.
- А что дальше? Всё то же – поплачет и успокоится. И к новому зимнему солнцестоянию у неё новые яйца, новые дети. И так из года в год.
- Тяжёлая у неё судьба, – грустно заметил Вася. Обретать и терять детей и так всегда, на протяжении всей жизни. Юноша вздрогнул. В памяти промелькнуло лицо мальчика из сна. Да, не хотел бы он себе такой судьбы.
- Так что там про меня-то? Почему я – другое дело? – попытался снова узнать у Печника Вася. Но дух так и молчал, не отвечая парню на его вопрос.
- Печник достал трубку из-за пазухи, пару раз по ней стукнул и затянулся. К удивлению парня, из трубки сразу же пошёл дымок и горько запахло тлеющим табаком. В носу тотчас засвербело, и парень гулко чихнул. Дух захихикал, но потягивать трубку не перестал.
- А как в рощицу-то попасть? – сиплым голосом спросил Вася – дым из трубки был ядрёный, свербело не только в носу, но и в лёгких, пробуждая гулкий кашель.
- Так это несложно – вон туда иди и всё, – Печник неопределённо махнул рукой в сторону леса. Заметив недоуменный взгляд Васи, он трубкой указал направление точнее – Вот видишь ту ель косую? Вот за ней по прямой и топай. Глядишь, не заблудишься.
- Юноша кивнул, мысленно помечая ель как важный ориентир.
- Ты, – через некоторое время продолжил Печник, – Вася, запомни самое главное: сложно не попасть в сад, а выйти из него.
- Вася с недоумением посмотрел на духа.

– То есть попасть несложно? Ведь осталось мало времени, а я окромя направления ничего не знаю. Я и по дороге сюда-то умудрился заплутать, – смущённо потупился молодец.

– Сюда ты заплутал, потому что думал, будто уже всё знаешь. Небось думал: раз в лесу побывал, так и Буян назубок знаешь? – покосился на него дух и с усмешкой встретил ещё более виноватый вид парня. – То-то же. Буян – не просто остров. У него есть мысли, душа, сердце. Ты и сам видел. Проучил тебя Буян, чтобы не зазнавался. – Дух достал трубку изо рта, снова постучал и убрал обратно в карман. – Ежели же попросишь, да от души попросишь, вежливо и с уважением, то Буян тебе и сам поможет, приведёт тебя к саду в срок.

– А в чём тогда проблема выйти из сада? – Вася вопросительно посмотрел на духа.

Печник ответил не сразу. Пошарил по карманам, что-то ища. Чертыхнулся – видимо, не нашёл. Почесал за ухом, да не как человек – рукой, а как будто собака какая – ногой. Сплюнул жёлтую от табака слюну, сорвал травинку и лишь тогда ответил:

– А потому, Василий, что Сирий – птица непростая. На нас, жителей Буяна, её песни не действуют. А вот на пришлых... Стоит только мгновение послушать песню Сирий-птицы, как всё на свете забываешь – зачаровывает песнь, оставляя только желание её слушать и слушать. Так и умирают люди в блаженном забытии от жажды и голода.

По спине парня, вдоль позвоночника, снова пробежал холодок. Только уж он решил, что память вернёт, и тут на тебе – очередные проблемы. И опять с потерей памяти. Как и говорила старуха: непростой путь к возврату прошлой жизни будет, ой какой непростой. Вася уже представил, как он сидит в роще, прислонившись к яблоне. На лице – безумная страшная улыбка, глаза широко распахнуты, а над ним летает страшная птица – не то голубь, не то лебедь. Раскрытый клюв ярко-красный, глаза на выкате чёрные, оперение грязно-серое и большие, в палец, когти, готовые разорвать несчастного.

Он посмотрел на тёмную фигуру Печника и задал один вопрос:

– А есть ли способ, чтобы избежать песни Сирия?

– Так, может, и есть, – хмыкнув, ответил дух и отвернулся к озеру. – Но я таких не знаю.

Розоватая полоска рассвета показалась на горизонте за верхушками ёлок.

Вася, так и не сомкнувший глаз за всю ночь, тяжело поднялся с поляны, с сожалением отодвигаясь от тёплого бока печи – утро было прохладным. Лёгкий туман скрывал гладкую поверхность озера, где-то в камышах гулко квакали лягушки.

– Ну, Вася, не унывай. Время ещё есть, может, что и придумаешь по пути, – скрипуче произнёс Печник. – Путь твой куда лежит, ты знаешь, – ткнул он заскорузлым пальцем в сторону ели.

Печник, охая, поднялся с травы, закинул утварь в запечек и, пока день не разгорелся, засобиравшись в печное нутро. Отодвинул заслонку, деловито пошуровал по внутренностям и оглянулся на парня:

– Ну, глядишь, ещё свидимся, – неопределённо махнул он рукой и полез в печь.

– Спасибо за помощь, дедушка! Буду рад снова свидеться, – поблагодарил Вася духа. – Буду рад... – тихо повторил он, наблюдая, как чумазные пятки Печника скрываются за заслонкой.

Подняв свой узелок, изрядно похудевший после ночной трапезы, Вася тяжело вздохнул и устремился к косо́й ели, на которую показал Печник.

Прохладными объятиями встретил Васю уже знакомый ельник. Иголки шуршали под ногами, густо пахло смолой и деревом. Под ногами пробежал встревоженный заяц, в ветвях тихо пели птицы. Лес жил. Парень уже не пытался даже и подумать о том, что он знает лес, но и в защиту сказать – в эту сторону он ещё и не ходил. Он просто шёл, размеренно, неспешным

шагом. Помнил он наказ Печника: если же проявить неуважение к Буяну, то и тот будет всячески мешать путнику. Поэтому шёл Вася не спеша, осторожно, аккуратно раздвигая заросли, стараясь не повредить могучие ели. Шёл и думал о том, как же спастись ему от песни Сирин-птицы.

Страх сковывал его нутро: всё же так и остаться без памяти или же сгинуть совсем – большая разница, думал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.